

Как печь с домом мирили

— **З**автрева отец должен приехать, — сказала мать. — Казанская же. Со всеми людьми расчет ведут — с плотниками, с печниками. Все по домам разъезжаются.

Тятя приехал рано. Глаза мои еще не хотели открываться, а уши уже все слышали. В печи то вспыхивала, то притухала перебранка березовых поленьев. Мать поправила на мне одеяло: — Да пущай поспит маленько. Погодят ее гостинцы.

Меня как ветром сдуло с подушки. Как это — погодят? А трещотка? Всамделишная! Я тут же пустила подарок в дело. Крутилась она быстрее материной прялки и быстрее, чем отец успел подбежать ко мне. Крепко я по носу получила.

— Торопыга кака! — мать вытирала мой нос фартуком и при-

слушивалась к голосам за дверью. — Кого там лихоманка принесла?

Сама села за прялку, а отца отправила на улицу узнать, кто там так громко с «суседом» Прокопием Баскаковым разговаривает.

Отец всегда себе работу находил. Да и работа его. А печи класть наш Семеныч любил больше всего. Когда из чужой деревни за ним, печником, приезжали, это уж глаза его столько синевы набирали — просто купоросили.

Вот и сегодня, не успел вернуться, а за ним уж приехали. С жалобой. Мать остановила прялку, положила куделю на лавку,глянула на отца и сердито поджала губы:

— Ишо чо! Сроду не бывало.

Оказалось, что отца просят исправить в соседней Поперечке чужую работу. Печка, сложенная за недорого пришлым печником, дымит, свистит, а то и — хоть из дому беги — стоном стонет.

— Шибко поскупилась, хозяйка. Печник не любит рядить-ся-то. Каку дали цену, на таку и сладил.

Виновато посматривая на мать, отец уже доставал с полки плотницкий ящик с неразобранным инструментом:

— Без печи в избе и делать неча.

Мать застучала кочергой по прогорающим углям. Шанежки на листах просились в печь.

— И постряпушки не спробовал, и скотину не досмотрел, и прялку мне не поправил. Чужа печь ему дороже.

— Таня, собирайся. Пимишки с собой возьми. Печку с домом помирим, вечером пимишки починим, а утресь, Матрен, домой прикатим, — ласково плеснул матери синевы из глаз.

Всю дорогу на подпрыгивающей телеге я думала: и как это отец чужую печку с чужим домом мирить будет? Трещотка только посвистывала от быстрого вращения.

Первым делом в деревне Поперечке тятя заглянул в печную трубу, потом взял свой «струмент», поколдовал в одном, другом месте:

— Все, — подытожил. — Топиться будет справно.

Помолчал и добавил:

— Обидеть печника последнее дело. Себе дороже.

Скоро хозяйка затеялась с ужином. Блины на сковородке в мирной печке спекались в минуту. Переворачивать не было нужды — не голландка же, а в русской блинок и сверху, и снизу вмиг жаром прихватывается.

Отец сворачивал блинчик кулечком и обмакивал его в растопленное сливочное солнце. Я же, глянув на отца — можно ли, в гостях ведь — и получив молчаливое одобрение, развернула блин, разложила по нему клубничины из варенья, свернула и обмакнула в густую сметану. Отец рассказал уже с десятков своих побасёнок. Первая была про блины.

Поехал, мол, мужик на станцию Гилёвка по делам, да к куму переночевать заехал. В дом зашел, а хозяйева блины за столом едят, к столу приглашают. Мужик-то шибко стеснительный был, отказался: не-е, кума, перед отъездом столько их съел, что исть-то и некуда. И сел в сторонку на лавку. А кум то в масло голимое блин обмакнет, кверху подымет, чтоб оно янтарем в рот стекало, да так и прибирает блин за блином. А то в меду тягучем блином завязнет, да поворочает, да ладошку подставит и, облизнув капли, в рот отправит. И куды в него стоко помещается, заерзал мужик. Блины-то убывают.

— И чо, так голодный и спать лег?

— Да нет, не выдюжил. Взмолился пред хозяйкой: кума, а скажи, чо раньше-то говорила.

И вкусный ужин прошел, и побасёнки, как горох, из отца высыпались, и пимы мои дратвой уже подшиты, а как печь с домом помирил, все не рассказывает.

— У печников много секретов, — шепнул тятя, когда у меня уже слипались глаза на подушке с алыми цветами.

И только дома, после того как длинно расспросил мать про хозяйство: жеребая ли уже серая кобыла, сукотная ли овца прошлогодishная, сколько гусих на племя пойдет — рассказал нам и о бутылке, замурованной обиженным печником в дымоход, и про кирпич, в трубу выступающий. Повернулся ко мне:

— Даже перышко гусяное может совсем спортить норов у печи.

«Да... что у печки, что у тяти, норову хватает. Только он скрывать его умеет», — подумалось мне.

Три года в нашем доме печь места себе не находила. Выкладывал отец ее и в центре дома, и в кухне, и даже в коридоре. Вовсе и не в печке было дело. Отец искал место верстаку, чтобы осенью-зимой в тепле мастерить и опилками при этом мать шибко не донимать.

Мне нравилось, когда печь хозяйкой стояла посреди дома. Из-за занавесок, сверху, мне видно было и кухню, и обе комнаты. Тут главное утерпеть и не влезть в разговор Маруси с подружками или тетки Арины с матерью. Все было сделано ладно: и топка в коридор выходит, и дрова через весь дом нести не надо, и у матери на кухне свободно. Но с верстаком некуда приткнуться.

— Что-то неловко я спланировал, Матрен, когда печь ставил. Ить сама смотри, изба-то у нас непряха. Устье печи должно быть к свету.

И рассказал, что в Гошкиных журналах написано и нарисовано про избу «пряху» и «непряху». Гошка, мой старший брат, учительствовал в соседнем районе, а когда приезжал домой, к каждому его слову родители прислушивались: в книжке написано.

Как могла мириться мать, которая обычно приговаривала «бабий счет по пряже», с тем, что ее изба «непряха»? Дала отцу добро, и тот устроил печь в просторном коридоре лицом к окну, боком к входной двери.

Мне опять все нравилось. Одна комната превратилась, по-городскому, в столовую. Из коридора было проделано окошечко в стене с аккуратной полочкой.

— Блюда подавать, — пояснил отец.

Верстак перебрался в кухню.

«Блюда подавались» в столовую, пока мать не высадила ухватом оконное стекло.

— А ты сам тут с дежой-то поворочайся, да с ухватами!

Теперь печка повернулась топкой в кухню, а в горнице сложили голландку. Комнаты стали просторными. Мать устелила полы цветными самоткаными дорожками — с ноября по март сидела она за прялкой или ткацким станом.

Никто не смел прикоснуться к ее резной пряслице — если только сама позовет:

— Берись, девка, давно пора. Да знай, не нитки прядешь, судьбу свою.

Пока усаживает меня на сиденье прялки, все Параскеву Пятницу поминает. В руках матери все спорится: нить получается тонкой, ровной и прочной. А мне пряжа не дается: потяну чуть сильнее — нитка оборвется, стану слабее тянуть, нитка сразу толстеет и буграми пучится.

— Время друго, Матрен, — заступился отец.

Так и не научилась путем прясть нить судьбы своей, чтобы ровно да надежно выходило.

А печь, перебравшись в кухню, почувяла себя хозяйкой — метала на стол духмяные пирожки с калиной, чугуны наваристых «штей», тыквы, запеченные с сушеными яблоками, и густые овсяные кисели. Все «блюда» матери удавались на славу.

Приходила тетка Арина:

— Матрен, орда твоя уж вся из дома разошлась-разъехалась. Куды ты напекашь-то? Маруся да Таня, одолеют стоко-то? — и несла домой, дядьке Андрею, материн узелок с постряпушками-гостинцами.

В коридоре прочно прописался верстак, хоть мать и ворчала привычно:

— Выдумляет!

Над верстаком были развешаны рубанки, фуганки, долота и сверла, которыми отец и фигурные ножки стола вытачивал, и даже пузатый буфет изготовил. Вся мебель дома нашего выстругивалась, выпиливалась, вытачивалась за этим верстаком-путешественником.

Через окошко, сделанное когда-то для подачи блюд, я теперь подсовывала отцу, работающему за верстаком, учебник с заковырыстыми задачками. Враз отцовы инструменты становились поездами, идущими из пункта А в пункт Б, и ответ на задачу находился сам собой. В особо трудных случаях тятя доставал карандаш из-за уха и рисовал задачу на доске.

Запахи древесины — березы, сосны, соперничая с запахами свежеиспеченного хлеба и сдобы, пропитали наш дом.

Мать не могла мной нахвалиться Арине:

— И подметат, и подметат. Така хозяйюшка!

Знала, конечно, мама мой секрет: я не хотела, чтобы отцу доставалось за опилки, налипающие на наши валенки и обувь гостей. К тому же под верстаком скапливались вороха стружек: тончайшие нежнейшие батисты. На печи, куда мы с Марусей переносили прозрачные невесомые лоскутики, они превращались в завитки на высоких прическах дам из прошлого и в пенные кружевные воланы на их бальных платьях. В ход шли карандаши, краски, мел и клей. Куклы — обточенные отцом бакулки — были предметом зависти подружек. Соседские девочки играли в кукол, вырезанных из бумаги, или в тряпичных — с намалеванными бровями и губами, с пуговицами, иногда разными, вместо глаз. Наши с Марусей куклы, конечно, были лучшими.

К материной печке бабки приносили младенцев со всей округи. Мать и печь их лечили.

— Видать, сураза приносила Авдакея? Ажныть с Партизанской, — любопытствовала тетка Арина.

Ножки дитенка чем-то смазывались и прикладывались к теплomu печному столбу. Потом мать поднимала малыша вверх ножонками и, поддерживая под спинку, заставляла походить по печке. Ребенок истошно орал и молотил пятками по белой глине. Мать шептала что-то про полуношницу, и дитя затихало. Приходили молодухи с благодарностями. Лекарка давала им отвар из двенадцати купальных трав.

— Таня, а ты помнишь, как мы вместе собирали купальные травы? — как-то с волнением в голосе спросил отец.

В Купальную ночь, о которой напомнил отец, я впервые поняла, что мать моя — красавица. На озере под звездами колыхались белые кувшинки, а в воздухе приозерных полян густел аромат луговых трав. Мать распустила свои иссиня-черные, ниже колен, косы и подавала нам с отцом на телегу охапки собранных на полянах трав. Кричали ночные птицы, и воздух был чернильно-бархатным. Замерев, я не спускала с матери глаз.

До этой ночи я знала лишь, что у меня очень пожилые родители.

— Подскребышек-то дома? — спрашивал дядька Андрей, муж тетки Арины, приходя к нам то с пряником, то с леденцом.

Я гордилась дядькой Андреем, который делал свет в нашем селе. Каждый вечер, закончив свою работу моториста, Андрей шел домой, к жене Арине, много лет назад убёгом вышедшей замуж за него. Моя мать всякий раз вздыхала, если кто-то вспоминал эту историю. Ее родители выдали силком за шибко работающего, да ростом малого сироту Кольку.

...Мы с отцом многое вместе делали. Даже печки. Я была маленьким подмастерьем, и отец все время уверял, что ему одному, конечно, не управиться.

— Вишь, Таня, ворона к ветру клювом села да под крыло его прычет? Жди холода. А у нас с тобой заказ на печь не выполнен ишо.

Идем на далекую улицу Астраканку. Я помогаю нести инструмент и веду с отцом мастеровой разговор. Мне уже много известно и про кирпич, и про песок, и про глину, и чтобы хозяева не сомневались в помощнице печника, глину нюхаю, постукиваю легким молоточком по кирпичу.

— Глина, хозяйевы, годится, без запаха лишнего. Да и кирпич звонкий, слышь, звук отрывистый.

Отец роняет кирпич с высоты, тот разбивается на крупные части, без крошева. Нахваливаю хозяев: хороший материал заготовили.

Неторопливо и основательно трудится печник Семеныч. Подмастерье тоже не скучает, то кирпичи подает, то бежит за квасом к хозяйке, а то отец велит наблюдать, как дымы из труб соседских идут: столбом или вниз расстилаются? Печнику важно знать, какая сегодня тяга в печи.

— А сбегай-ка, Таня, домой за проходнями, — предлагает отец, видя, что подмастерье из угла в угол слоняется.

У матери улыбаются глаза, когда она, открыв тяжеленную крышку сундука, дает мне пряники. Я в полной уверенности, что проходни — это забытый отцом инструмент, в недоумении смотрю на мать. Иду назад с пряниками и большим сомнением: выполнила ли задание? До Астраканки далеко. Всю улицу Лаптевку надо пройти, через всю огромную Пловатскую площадь да по Астраканке еще шагать да шагать.

— Ничо, сѣдни у нас такие проходни, — держа в руке духо-

витый, с мятой и черемухой, материн пряник, тятя собрал у глаз лучистые морщинки.

Гошке с Мишкой как-то всю Плотаву обежать пришлось в поисках проходней. Баскаковы отправили к Рыжковым, Рыжковы к Пискуновым, Пискуновы к Колесниковым. У всех проходни заняты.

Только тетка Арина пожалела племянников:

— Кого вы слушаете! Вы так всю деревню обежите. Отцу-то вашему токо бы пошутковать.

Тятя мой и в самом деле, прерываясь в работе, мог лечь на «пинжачок» тут же у печи, вздремнуть минут пять и с шутками-прибаутками — снова за работу. Дело подошло к своду печи, и, когда отец пригласил хозяйку да хозяина, я подумала: опять шутит.

Поставил табуретку, на нее усадил хозяйку дома. Велел хозяйку мерять расстояние от верхней пуговицы кофты до сиденья табуретки. Хозяин недоверчиво глянул на Семеныча, но промолчал. Потом заставил мерять хозяйкины плечи. Попросил женщину встать и велел замерить ее рост. Хозяева безропотно выполняли все просьбы.

— Звиняйте, что от дела оторвал, — отец начал чертить на бумажке химическим карандашом.

Зачем ему пуговицы хозяйские понадобились? Да еще два коробка спичечных?

— Какой высоты свод будешь делать, подмастерье? — спрашивал отец и тут же отвечал: — Пригодится тебе высота от пуговицы верхней до сиденья табуретки. Слухай, Тань, дальше, — и он указывал пальцем в свои чертежи, выполненные на лоскутке бумаги. — Устье у печки должно быть на десять сантиметров ширше плеч хозяйки, а высота его должна равняться ширине хозяйкиных плеч.

— А шесток тогда какой?

— Шесток в глубину должен быть равен размеру от локтя до кончиков вытянутых пальцев.

— Ну, а зачем тебе рост хозяйки понадобился? И коробки спичечные зачем-то спросил.

— А это для того, чтоб печка с хозяйкой не спорила. Высоту печки сделам по росту ее да прибавим для надёжи ишо два спичечных коробка.

Печная наука, она на хозяйку рассчитана.

Я и теперь, если увижу русскую печь в доме, поглядываю на хозяйку: удалось ли печнику примирить их?

Мороженое

Мы с Танькой то дружим, то не дружим. Много спорных вопросов. Но мы с ней точно знаем, что земля круглая. Спорить об этом незачем. Это Пашка все ответы в книжках выискивает, а мы сами знаем. Что тут знать-то? В нашей Плотаве главная площадь, как верхушка яйца: с нее все улицы скатываются в разные стороны. Улицы длинные-длинные, пока по ним идешь на площадь, вовсе не сомневаешься, что на пригорочек взбираешься. Площадь всегда чистая, сухая, песчаная. И большая-пребольшая — в райцентре такой нету.

На площадь нашу как-то приехала машина из города Камня-на-Оби. Привезла мороженое. Больше всего боялись, что мороженое растает, пока мы бежим по длинющим улицам. А кто быстрее прибежал, тот и первый. Сначала в магазин — сдать два яйца, тайком из гнезда вынутых, и получить за них четырнадцать копеек: каменская-то автолавка за яйца мороженое не продаст.

Потом в том же порядке очередь из магазина перемещается на площадь. Счастливчики, что стоят первыми, советуют тетеньке-мороженщице:

— Сильно не открывай флягу-то. Вишь, очередь какая, растает ить.

Заботятся. О нас, с Жопановки. Улица коротенькая, но в самую рощу задом упирается. Мы первыми никогда ни в какой очереди не были.

Стоим и неотрывно следим за руками продавщицы. Она вынимает из фляги вафельные стаканчики — они первым достаются, потом идут картонные, и в каждом — вожденный белый кругляш, который вся очередь мысленно слизывает и слизывает.

Вечером в клубе остаются свободными скамейки и стулья.

Вообще-то, мы каждый день в клуб бегаем. Все по той же схеме: сначала с яйцом или стеклянной бутылкой в магазин, а потом с пятакон к дядь Ване из кинобудки. В день, когда в Плотаву приезжает машина с мороженым, в огородах хорошо поливаются лунки помидоров и огурцов. Торопиться некуда. В кино идти уже не придется. Денег ни у кого нет, во второй раз в гнездо не полезешь.

Мать, приехав с поля, собрала яйца в сито и, опуская по одному в широкий горшок, разговаривает с сестрой:

— Арин, ты надьсь в сельпо не была? Говорят, шибко баской сатин за яйца продавали. Много токо надо, — и запирает сундук.

А в книжке, которую я читаю перед сном, совсем другая жизнь. Люди между делом едят пирожные и вафли, разворачивают шуршащие обертки шоколадок. И никто не стоит в очереди с бережно зажатым яйцом или стеклянной бутылкой. Но это же в книжке.